

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
verigin@petsu.ru

ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОПОВ

студент 4-го курса Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dps1939@mail.ru

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕЛОШИН

магистрант 1-го года обучения Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dmitry.eloschin@yandex.ru

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФИНСКИЕ КОНЦЛАГЕРЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

А н н о т а ц и я . На примере малоизвестных финских концлагерей изучаются вопросы, связанные с содержанием узников на оккупированной финнами территории Карело-Финской ССР в 1941–1944 годах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения исторической памяти о геноциде нацистов и их союзников на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны. На основе воспоминаний и протоколов допросов узников изучаются многочисленные аспекты содержания мирных граждан в тех финских концлагерях, которые до последнего времени по разным причинам оставались практически неисследованными. Новизна статьи определяется введением в научный оборот обширного архивного материала, на основе которого изучается характер работ, выполняемых узниками; факты военных преступлений финских оккупантов против заключенных; карантинные меры оккупационного режима в лагерях, носившие характер абсолютной фиктивности; причины, по которым узники попадали в места принудительного содержания.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Великая Отечественная война, финская оккупация, концлагеря, Финляндия, Карелия
Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена на основе исследования, проведенного в рамках реализации Программы поддержки НИОКР студентов и аспирантов ПетрГУ, финансируемой Правительством Республики Карелия (Соглашение № КГРК-21/Н5-24).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Веригин С. Г., Попов Д. А., Елошин Д. А. Малоизвестные финские концлагеря на оккупированной территории Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.864

ВВЕДЕНИЕ

В послевоенный период вплоть до конца 1980-х годов и в финляндской, и в советской историографии тема финского оккупационного режима на территории Советской Карелии в 1941–1944 годах, и особенно преступлений финнов против мирного гражданского населения, не считалась важной и актуальной для научных исследований. Это было вызвано прежде всего тем, что на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Финляндией 1948 года между двумя странами

сложились прочные добрососедские отношения. В 1950–1980-е годы в советской пропаганде постоянно подчеркивалось, что в период холодной войны советско-финляндские отношения являются хорошим примером взаимодействия стран с различным социально-общественным строем. Обе стороны старались не затрагивать сложные и болезненные вопросы, к которым, несомненно, относилась и проблема финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 годах.

На слабом изучении данной проблемы в 1950–1980-е годы сказывалась и узость источниково-

вой базы. Правда, на заключительном этапе Второй мировой войны и сразу после ее окончания в СССР были опубликованы сборники документов Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) о преступлениях финских захватчиков на временно оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах¹. Однако по вышеуказанным политическим причинам эти документы оказались невостребованы. Сказалось также и то обстоятельство, что финские военные преступники не проходили по Нюрнбергскому трибуналу – международному процессу над бывшими руководителями нацистской Германии в 1945–1946 годах, а по договоренности между руководством СССР и Финляндии судебные процессы над финскими военными преступниками были отнесены к финляндскому правосудию. В этой связи в СССР первая работа, где достаточно подробно изучался период оккупации, вышла только в 1983 году. Это была монография К. А. Морозова «Карелия в годы Великой Отечественной войны» [9], в которой автор привел число умерших в годы финской оккупации. По его мнению, их количество составляло 14 тысяч человек – сейчас это наиболее распространенная в отечественной историографии версия.

В постсоветский период наиболее подробно тема финской оккупации Карело-Финской ССР (КФСР) рассмотрена в работах С. Г. Веригина. В монографии «Карелия в годы военных испытаний...» [2] автор раскрывает широкий спектр проблем, связанных с указанной тематикой: военные преступления финского оккупационного режима против мирных граждан; экономическая политика и экономический ущерб финских оккупантов, нанесенный экономике республике; характер работ, выполняемых узниками концентрационных и трудовых лагерей, и др. С. Г. Веригиным был опубликован целый ряд статей, посвященных отдельным аспектам финской оккупации. В частности, в одной из них рассмотрена национальная политика финской администрации и сделан вывод о том, что в 1941–1944 годах она не принесла желаемых результатов: финнам не удалось привлечь на свою сторону советских карелов, вепсов, финнов [4].

С. Г. Веригин подробно рассматривал и экономические аспекты финской оккупации Карелии [3]. Автор отмечал, что изначально финские власти ставили перед собой задачу восстановления и развития оккупированной территории, так как Карелия должна была войти в состав «Великой Финляндии». Приоритет отдавался сельскому хозяйству и тем отраслям промышленности, которые были необходимы для снабжения армии. Центральное место в экономической политике финского оккупационного режима занимали планы интенсивной заготовки карельского леса и вывоза его в Финляндию. Экономическая политика ста-

ла меняться с 1943 года, когда Финляндия осознала, что Германия потерпит поражение. Начинается прямой грабеж природных и материальных богатств Карелии, разрушение промышленных объектов и вывоз оборудования в Финляндию. После выхода Финляндии из войны в сентябре 1944 года финляндское правительство частично компенсировало ущерб, причиненный экономике Карелии.

Общие аспекты финской оккупации Карелии были рассмотрены в статье А. Ю. Осипова «Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии» [10]. Автор делает вывод о том, что просветительную работу финнов в Карелии можно разделить на несколько направлений, но центральное место отводилось идее «Великой Финляндии». Наряду с этим местному населению внушалось негативное отношение к советской власти, а политику по отношению к юным возрастным группам А. Ю. Осипов определяет как «финляндизацию».

В статье Е. А. Давыдовой и Н. С. Журавлевой «Жизнь населения советской Карелии в период финской оккупации (1941–1944)» [5] также рассматриваются общие аспекты финской оккупации Карелии. Авторы выделяют два основных направления финской оккупационной политики. Первое было связано с необходимостью привлечения трудовых ресурсов в условиях войны, для чего создавались концентрационные и трудовые лагеря. При реализации этого направления ведущим критерием стал этнический признак, в соответствии с которым распределялись социальные права и материальные условия жизни. Второе направление – это пропаганда идеи «Великой Финляндии», в рамках которой внушалась мысль об историческом родстве всего финно-угорского населения. Идеологической обработке подвергались преимущественно молодежь и дети. Особое внимание уделялось возвращению к дореволюционным ценностям и религиозным традициям. Однако, как указывают авторы статьи, все эти попытки оказались безуспешны. Кроме того, в условиях войны трехлетний срок оккупации оказался слишком кратковременным для выработки стабильных методов управления покоренной территорией.

В 1950–1980-е годы в Финляндии выходили многочисленные исследования, которые затрагивали проблему финского оккупационного режима в Советской Карелии в 1941–1944 годах. Выделим публикацию 1982 года докторской диссертации Антти Лайне «Два лица Великой Финляндии. Положение гражданского населения Восточной Карелии при финском оккупационном режиме 1941–1944» [13], в которой освещается финский оккупационный режим в Карелии не только как последовательность конкретных действий и мероприятий ВУВК, но и как результат осуществления

на оккупированной территории Восточной Карелии идеи Великой Финляндии, сформировавшейся в Финляндии еще в начале XX века. А. Лайне был одним из первых финских исследователей, кто затронул тему финских концлагерей для мирного гражданского населения. К недостаткам данной работы следует отнести то, что в силу сложившихся тогда обстоятельств к исследованию не были привлечены документы из советских архивов.

Среди переводных финских исследований особое внимание стоит уделить работе Х. Сеппяля «Финляндия как оккупант в 1941–1944 гг.» [11]. Во время войны Финляндии против СССР автор был солдатом оккупационных войск в Петрозаводске, охранял заключенных, отправленных на принудительные работы на Онежский завод. Возможно, его собственный опыт оккупации оказал влияние на объективное освещение финской оккупационной политики в Карелии. В работе Х. Сеппяля сформулировал суть оккупационной политики Финляндии в Восточной Карелии в 1941–1944 годах как реализацию экспансионистского по своей природе проекта создания «Великой Финляндии».

Значительный вклад в финляндскую историографию проблемы внесла монография Юкки Куломаа «Янислинна. Годы финской оккупации Петрозаводска, 1941–1944», вышедшая в 1989 году и посвященная всестороннему изучению финского оккупационного режима в оккупированной столице Карелии – г. Петрозаводске, переименованном финнами в военный период в г. Янислинна («Крепость на Онего») (рус. перевод: [8]). В ней приводится большой фактический материал об оккупации столицы КФСР, в том числе указывается и количество узников каждого из шести петрозаводских концлагерей.

* * *

Несмотря на отмеченные выше публикации, посвященные указанной тематике, многие из финских мест принудительного содержания на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах до сих пор остаются малоисследованными. По нашему мнению, это связано с целым рядом факторов. Во-первых, географическим: чем дальше лагерь находился от Петрозаводска, к которому всегда было приковано особое внимание (это можно объяснить тем, что Петрозаводск – столица КФСР, и тем, что там было сосредоточено сразу шесть концлагерей, многие из которых были особенно крупными), тем он реже освещался в работах историков. Во-вторых, это связано с источниковой базой: среди документов, собранных ЧГК после освобождения Карелии, подавляющее большинство материалов относилось как раз к петрозаводским лагерям, а не к тем, которые можно условно назвать региональными. В-третьих, размеры

самого лагеря: чем меньше людей содержалось в лагере, тем меньше о нем осталось документов, соответственно, он изучался в недостаточной степени. Ко всему прочему, до сих пор сохраняется проблема малоизученности финского оккупационного режима на микроуровне: крайне мало работ посвящено отдельному концлагерю или отдельно оккупированному району КФСР. Среди них следует выделить недавно опубликованную статью Ю. Н. Зеленской [6], посвященную пребыванию советских граждан в Кутижемском трудовом лагере на занятой финскими войсками территории Советской Карелии.

На основе указанной выше историографии можно выявить целую группу мест принудительного содержания, которые в исторической литературе получили ограниченное освещение. Это концлагеря № 4 и № 7 (г. Петрозаводск), концлагерь № 8 (поселок Ильинский), концлагерь в деревне Колвасозеро, Видлицкий концлагерь, тюрьма и концлагерь в деревне Киндасово. Именно этим концлагерям, трудовым лагерям и тюрьмам посвящена данная статья.

Основой архивной базы статьи являются воспоминания и протоколы допросов узников финских лагерей, выявленные в архивах Республики Карелия в ходе работы над проектом «Электронный ресурс “Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг.”», реализованного в рамках Программы поддержки НИОКР студентов и аспирантов ПетрГУ, финансируемой Правительством РК.

Финская оккупация Карелии значительно отличается от оккупации советских территорий немецкими войсками. В частности, в Карелии была самая высокая плотность мест принудительного содержания населения: для 86 тысяч человек, оставшихся на захваченной финскими войсками территории, было создано более 100 таких мест: 14 концлагерей, 34 трудовых лагеря, 42 роты для военнопленных, 9 тюрем и одна колония. При этом концентрационные и трудовые лагеря имели филиалы на всей оккупированной территории, охватывая практически все населенные пункты захваченной Карелии [1: 30]. Е. В. Усачева отмечала, что после изучения опыта организации оккупационного режима немцами финны пришли к выводу, что необходимо внедрять собственные методы управления оккупированными территориями [12: 122]. Она же подчеркнула и одну из главных черт финской оккупационной политики – национальную сегрегацию населения [12: 126].

Одним из самых загадочных и малоизученных финских лагерей является концлагерь в деревне Колвасозеро (Ребольский район КФСР), который был создан для неблагонадежного «национального» населения. В лагерь попадали карелы, вепсы, финны, ингерманландцы, которые были

заподозрены оккупационной властью в связях с партизанами или подпольщиками, высказывали недовольство финской оккупационной политикой. Но люди могли попасть в лагерь и по другим причинам. В частности, узница этого лагеря А. О. Тарасова в 1948 году вспоминала:

«Однажды меня вызвали к финскому коменданту. Я очень испугалась. Пришла. Там уже знали, что я работала в райкоме партии. Они меня стали спрашивать, кто был первым секретарем райкома, вторым и т. д. Увидели на мне плащевое пальто и спросили, сколько стоит. Я ответила – 270 рублей. Они не поверили и сказали, что, наверно, 2 тысячи. Потом говорят, что хорошо одевалась только потому, что в райкоме работаю. Они также говорили, что в райкоме был буфет, тогда как ни в какой другой организации его не было»².

После этого ее отпустили домой, но через два дня арестовали, этапировали в Олонец, а оттуда в Колвасозеро, где она оказалась в мае 1942 года. Таким образом, причиной для ареста и отправки в этот лагерь могла стать банальная ненависть к советским партийным работникам, даже к тем, которые не были замечены в конкретной антифинской деятельности. А. О. Тарасова вспоминала, что в мае 1942 года в лагере в Колвасозеро было только 25 человек, затем их число дошло до сотни. Е. В. Усачева в упоминаемой выше работе отмечала, что узников сначала этапировали в Видлицу (видимо, А. О. Тарасова, когда писала, что ее этапировали в Олонец, имела в виду именно Видлицу), а затем отправляли в тюрьму или концлагерь для «ненационального» населения в Киндасово или в концлагерь для «национального» населения в Колвасозеро [12: 124].

Другой узницей концлагеря в Колвасозеро, которая вспоминала о тех страшных днях, была карелка А. Я. Грябина. В 1941 году она жила в деревне Паданы, в период финского наступления пыталась бежать из деревни на неоккупированную территорию. Но в лесу ее вместе с другими женщинами поймали финны и вернули обратно. Ее сын Алексей стал партизаном и участвовал в знаменитом рейде партизанской бригады И. А. Григорьева в тыл финских войск летом 1942 года. Вскоре он попал в плен, но бежал из него в мае 1943 года. После его побега А. Я. Грябину арестовали финны, посадили в машину и повезли в неизвестном направлении. «В машине меня стали бить, ругают меня, говорят, ты мать разбойников, тебя надо, как мух, убить»³. За деревней Терманы машина остановилась, и А. Я. Грябиной показали тело убитого сына. Ей даже не дали с ним попрощаться, посадили обратно в машину, а через несколько дней этапировали в концлагерь для «национального» населения в Колвасозеро. Причина – она была матерью партизана. Таким образом, в концлагеря могли попадать карелы и вепсы, которых

финские войска пришли «освободить от гнета русских», только за то, что их родственники воевали с финскими оккупантами. «Пока жили в лагере, ходили каждый день на полевые работы. Кормили плохо, давали в день 200 гр. хлеба и похлебку из гнилой рыбы или мяса»⁴, – вспоминала А. Я. Грябина. Подобное питание было характерно для всех финских концлагерей того времени.

Любопытным является тот факт, что детей узников концлагеря для «национального» населения в Колвасозеро отбирали у родителей и отправляли учиться в школу (это было связано с общей политикой финнов по отношению к детям-«националам», которых готовили к жизни в будущей «Великой Финляндии»). Узница лагеря Д. Ф. Кононова отмечала, что детей до 1943 года не учили вовсе, а с 1943 года отправили в школу, но «учили больше закону Божьему»:

«Держали детей в невыносимых условиях. По несколько месяцев не водили в баню, не стирали белья. Если ребята приезжали домой в лагерь, то их трудно было узнать, все они были черные от грязи»⁵.

Далее рассмотрим концлагерь № 7 в г. Петрозаводске. Он существовал недолго и был создан, видимо, для изоляции узников концлагеря № 6 во время карантина. 9 сентября 1943 года, как раз после окончания карантина, эти концлагеря объединились. В воспоминаниях узников отмечается, что лагерь № 7 также называли «Шунгское отделение», в нем содержалось около 800 человек. Характер содержания узников в этом лагере, созданном, по сути, специально в рамках карантинных мер, ярко показывает то, как в финских лагерях проходил карантин. Всех узников постригли, отобрали одежду, которая длительное время лежала на улице. Затем одежду отправили в «жарилку» – ее «прожаривали» с целью уничтожить инфекцию. Однако после этого одежду вновь кидали в общую кучу, и узники «копошились» в ней в поисках своих вещей. Это практически сводило на нет весь смысл карантина – ведь зараженные узники могли спокойно заразить одежду незараженных и лишь поспособствовать распространению инфекции. Другим важным этапом карантинных мер была баня. Как отмечает узница концлагеря № 7 Могилева,

«в баню загоняли вместе с мужчинами и женщин, где выдерживали около часа при температуре 70–80 градусов. Бани были маленькие, переносные, из фанерных и бумажных щитов. В них было так тесно, что люди мазали друг друга телами и грязная вода моющихся стекала на других»⁶.

Еще одним лагерем, который практически не рассматривался в работах историков, был петрозаводский концлагерь № 4. Лагерь являлся карантинным и фильтрационным. 31 декабря 1941 года из концлагеря № 2 в концлагерь

№ 4 было увезено 40 мужчин, которые подозревались в том, что были советскими военнопленными. После двух недель допросов с применением пыток часть мужчин пропала без вести, часть была возвращена в лагерь № 27. К выводу о том, что лагерь № 4 был предназначен для военнопленных, приходит историк Е. С. Киселева [7: 36]. Автор на основе воспоминаний узников дает оценку численности – примерно 300 заключенных. Лагерь пополнялся небольшими группами советских граждан по 75, 19 и 40 человек. После проверки узников переводили в другие лагеря, например в лагерь для военнопленных в Томицы [8: 66]. В декабре 1941 года заключенных лагеря было более 3 тысяч человек⁸, а 28 февраля 1942 года в лагере № 4 содержалось 2240 человек [8: 66]. Так как военнопленные находились в нескольких лагерях, можно предположить, что значительная часть узников была гражданскими лицами. Например, в лагерь № 4 попадали советские граждане для дальнейшего распределения. Н. Д. Анисимов 23 ноября 1941 года вместе с женой и шестью детьми был заключен в концлагерь № 4, но, как он сам отмечает, после недолгого пребывания был направлен в лагерь в Кутижму на лесозаготовку⁹. Положение узников в лагере № 4 было очень тяжелым. Они голодали, узница Клавдия Одоевская вспоминала, что приходилось питаться крапивой, гнилой картошкой и трупам собак. Из-за голода весной 1942 года в лагере произошла вспышка цинги и кори у детей. Смертность была высокой, и руководство лагеря организовало бригаду из подростков, которые занимались рытьем могил. В 1942 году большинство заключенных было переведено на лесозаготовки, а часть – в лагерь № 6¹⁰.

О тяжелой ситуации с медицинским обслуживанием в концлагере № 4 рассказал фельдшер этого концлагеря Парфенов в заявлении в Чрезвычайную государственную комиссию:

«В 1942 г. в лагере № 4, где я в то время был назначен в амбулаторию в качестве фельдшера, среди детского населения свирепствовала корь, на неоднократные мои просьбы и заявления начальство лагеря не принимало никаких мер. Комендант лагеря в то время был финн Кеконен. В октябре – ноябре 1942 г. в лагерь было завезено старое, грязное финское белье и роздано населению взамен ранее отобранного хорошего. Через некоторое время после этого в лагере стали появляться заболевания с кожными сыпями. Сначала никто не обратил серьезного внимания, заболевания были единичными. Затем заболевания приняли массовый характер, была отправлена кровь от больных на исследование в лабораторию и установлен сыпной тиф...»¹¹.

В рамках данной статьи также хотелось бы рассмотреть условия и характер работ в трудовых лагерях. Один из крупнейших трудовых лагерей – Кутижемский, расположенный в Пряжинском районе, был проанализирован в уже упо-

мянутой статье Ю. Н. Зеленской. Мы раскроем условия содержания узников в многочисленных финских трудовых лагерях на территории Медвежьегогорского района КФССР. Узница нескольких финских трудовых лагерей на территории Медвежьегогорского района А. А. Ермолина вспоминала, что изначально она находилась в Заонежье, где и попала в оккупацию. После этого ее и остальных жителей деревни Яндомозеро этапировали в Медвежьегогорск, где они работали на выгрузке пиломатериалов из вагонов. А. А. Ермолина вспоминала о голоде и ужасной системе питания узников: в день им давали до 400 граммов сухарей (галет), а суп они варили из тухлой конины, крапивы или мороженой картошки. Через неделю их перевели на 7-й разъезд, где узники работали на строительстве дорог. Рабочий день в этом трудовом лагере длился с 7 утра до вечера (обычно до 19:00), на отдых отводился один час. Таким образом, работали по 11 часов. А. А. Ермолина также отмечала, что работать зачастую приходилось по колено в воде, а одежды и обуви «не было никакой»¹². Схожие моменты прослеживаются и в воспоминаниях Е. С. Аникиной – узницы Кутижемского трудового лагеря. С 7 утра работали на лесоповале, за день необходимо было выполнить норму. Рабочий день устанавливался до 18:00, однако те, кто до этого времени норму не выполнил, оставались работать и дальше. Она также отмечала, что зачастую узники просто не успевали высушить промокшую за рабочий день одежду и утром выходили на работу в мокрых вещах¹³. Таким образом, в обоих трудовых лагерях был крайне длинный рабочий день (11–12 часов), узники работали в суровых условиях и не имели для этого подходящей одежды. На основании этого можно сделать вывод, что данные стороны деятельности трудовых лагерей в Кутижме и на территории Медвежьегогорского района являются типичными и характерными в целом для всех трудовых лагерей на оккупированной территории КФССР.

Узники трудового лагеря в Кутижме часто рассказывали о зверствах, которые творили врачи лагеря. Е. С. Аникина вспоминала:

«Не было пощады к больным, придешь к врачу, а он даже не осматривает, гонит на работу. <...> врач не лечил, а издевался над больными. Например, частенько больных заставляли делать утреннюю зарядку, бегать вокруг больницы, пилить и таскать дрова и т. д., чтобы окрепли мускулы. Привели в больницу однажды ненормального мальчика, он ничего не понимал, что ему говорил врач, за это был жестоко избит»¹⁴.

А. А. Ермолина, которую весной 1943 года отправили в трудовой лагерь, находящийся в 18 км от Кяппесельги, вспоминала:

«Условия работы были жуткие, очень многие болели малярией, ко всему тому еще прибавлялось большая скученность людей, холод, вечная сырость одежды

и обуви. При лагере хотя и был лазарет, но хочешь не хочешь, в нем никого не лечили. Во-первых, не было медикаментов, да и просто так не хотели. Сестры были русские, не из лагерных, а врачи приезжали финские, и только издевались да смеялись над нами, не оказывая никакой помощи»¹⁵.

О зверствах врачей особенно ярко написано в воспоминаниях и протоколах допросов узников тюрьмы для «ненационального» населения и концлагеря в деревне Киндасово. Узница Киндасовской тюрьмы А. И. Егорова отмечала:

«...если даже человек серьезно болел, все равно его выгоняли на работу, а охранники КОВАЛА, СИХВО-НЕН били таких людей палками, при этом кричали “вот вам здесь лекарство”»¹⁶.

Другая узница этой тюрьмы Е. В. Тарасова приводила сходную информацию:

«...белофинская администрация тюрьмы выгоняла всех на различные работы, в том числе больных, а если заключенный обращался за медицинской помощью к тюремному санитару (т. к. врача в тюрьме не было) ПОРА-ЯРВИ, то тот вместо оказания помощи выгонял больных из кабинета, а иногда даже избивал и “лечил” палкой и кулаками»¹⁷.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что отношение врачей к узникам было одинаковым и в трудовых лагерях, которые часто меняли место расположения в зависимости от наличия лесных угодий, и в тюрьмах, которые не переезжали с места на место, а находились в одном месте постоянно, что, казалось, могло бы позволить наладить там нормальную и постоянную медицинскую помощь. Однако это было не нужно финской администрации, не заинтересованной в сохранении здоровья узников.

В архивных документах малоизученных финских концлагерей и тюрем содержится обширный материал об издевательствах оккупантов над мирными гражданами – узниками этих мест принудительного содержания. Е. В. Тарасова на допросе показала:

«В Киндасовской тюрьме над заключенными издевались, били за каждый проступок, например, во время полевых работ истощенные заключенные брали что-либо из овощей, их подвергали избиениям до бессознания, так были избиты заключенные Гагарин, Фокин, Жданов, женщины Егорова и Артемьева. Редко можно найти человека, которого бы не били из тех, кто побывал в Киндасовской тюрьме. Начальником тюрьмы был капитан Тойвонен. По его приказаниям и распоряжениям, а также капитана Юлстало производились все расправы, пытки и издевательства над советскими гражданами, заключенными в тюрьму»¹⁸.

Преступления против мирного гражданского населения на оккупированной территории Карелии не обезличены. В архивных источниках и воспоминаниях узников малоизученных

финских концлагерей и тюрем называются конкретные фамилии тех, кто применял пытки и истязания по отношению к заключенным. Заключенная тюрьмы в селе Киндасово А. И. Егорова на допросе 19 июля 1944 года назвала фамилии истязателей:

«Издевательства и избиения заключенных были любимым занятием всей охраны тюрьмы дер. Киндасово. Не проходило дня, чтобы кого-нибудь из заключенных не били. Особыми зверствами и изощренными методами издевательства отличался начальник тюрьмы капитан Тойвонен, его помощники сержант Ковала и Сихвонен, которые не только избивали заключенных, но без следствия и суда расстреливали невинных советских граждан, брошенных в тюрьму»¹⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проанализированный обширный архивный материал позволяет раскрыть многие аспекты содержания узников в ранее малоизученных финских концлагерях. В первую очередь приведенные документы дают возможность выяснить причины, по которым узники попадали в лагеря. В случае с концлагерем в Колвасозере становится ясно, что люди там зачастую оказывались вовсе не из-за своей «неблагонадежности», а по совершенно надуманным причинам: работа в райкоме партии до войны, «дорогое» пальто, наличие детей, участвующих в сопротивлении финским оккупантам. На основе анализа документов, относящихся к концлагерю № 7 в Петрозаводске, удалось показать характер карантинных мер финской оккупационной администрации и доказать их абсолютную фиктивность – эти меры не спасали узников от распространения инфекций. На основе сравнения Кутижемского трудового лагеря и нескольких трудовых лагерей на территории Медвежьегорского района мы приходим к выводу, что условия содержания в трудовых лагерях были довольно типичными – длинный рабочий день, крайне суровые условия работы, скудное питание и отсутствие подходящей рабочей одежды.

Поднятая в статье проблема малоизвестных финских концлагерей требует продолжения исследований. Необходимо выявлять региональные аспекты оккупации и главное – осуществлять изучение этой темы на микроуровне: исследовать отдельные концлагеря и отдельные оккупированные финнами районы КФСР. В конечном итоге все это позволит всесторонне представить картину финского оккупационного режима на территории КФСР в годы Великой Отечественной войны и создать необходимую документальную базу для правовой оценки жестоких проявлений оккупационной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». Петрозаводск, 1944; О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков. М., 1944; Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1945.
- ² Архив Карельского научного центра Российской академии наук (Архив КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 42. Д. 552. Л. 30.
- ³ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 42. Д. 548. Л. 6.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 42. Д. 354. Л. 13.
- ⁶ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 822. Л. 90.
- ⁷ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 828. Л. 230.
- ⁸ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1183. Л. 30.
- ⁹ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 828. Л. 248.
- ¹⁰ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 837. Л. 4.
- ¹¹ НА РК. Ф. П.-1230. Оп. 23. Д. 39. Л. 57–58.
- ¹² Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 42. Д. 349. Л. 2.
- ¹³ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 822. Л. 126.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 42. Д. 349. Л. 2.
- ¹⁶ Протокол допроса от 19-го июля 1944 г., Егорова А. И. // Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kareliaconcentrationcamps.ru/mem5> (дата обращения 22.12.2022).
- ¹⁷ Протокол допроса от 18 июля 1944 г. Тарасова Е. В. // Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kareliaconcentrationcamps.ru/mem7> (дата обращения 01.11.2022).
- ¹⁸ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК). Фонд трофейно-документальных материалов (ФТДМ). № 8292. Л. 32.
- ¹⁹ Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ № 8292. Л. 29.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Карелия: Сборник документов / Отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; Отв. ред. Е. В. Усачева; Сост. Т. А. Варухина, Л. С. Котович, Е. В. Рахматуллаева, О. И. Суржко, Е. В. Усачева, Н. В. Федотова. М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательство «Кучково поле», 2020. 408 с.
2. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 544 с.
3. Веригин С. Г. Экономические аспекты финляндской оккупации Карелии (1941–1944 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840016508-7-1/?ysclid=1e43umc691835462609> (дата обращения 01.11.2022).
4. Веригин С. Г. Национальная политика финской администрации на территории оккупированной Карелии в 1941–1944 гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 4. С. 5–19.
5. Давыдова Е. А., Журавлева Н. С. Жизнь населения советской Карелии в период финской оккупации (1941–1944) // Политический вектор-Л. Комплексные проблемы современной политики. 2015. № 1. С. 32–40.
6. Зеленская Ю. Н. Трудовой лагерь для советских граждан в Кутижме в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 62–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.853
7. Киселева Е. С. К вопросу о финском лагере для советских военнопленных в городе Петрозаводске // Петрозаводск – город воинской славы: героические страницы прошлого Европейского Севера России: Сб. ст. и материалов V Межрегион. науч.-практ. конф.; Отв. ред. Ю. Н. Зеленская. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2022. С. 35–38.
8. Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. 1941–1944. Петрозаводск: А. Н. Ремизов, 2006. 277 с.
9. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Петрозаводск: Карелия, 1983. 236 с.
10. Осипов А. Ю. Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии // Устная история в Карелии: Сб. науч. статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944) / Науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 23–28.
11. Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Портал Карельского союза бывших малолетних узников финских концлагерей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.autistici.org/deti-uzniki/sepp.html> (дата обращения 15.04.2022).
12. Усачева Е. В. Установление финского оккупационного режима на территории Карело-Финской ССР и организация мест принудительного содержания для гражданского населения // Курский военно-исторический сборник. 2016. Вып. 17. С. 121–126.
13. Laine F. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982. 490 s.

Поступила в редакцию 09.11.2022; принята к публикации 31.01.2023

Original article

Sergey G. Verigin, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
verigin@petsu.ru

Denis A. Popov, Undergraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
dps1939@mail.ru

Dmitry A. Eloshin, Master's Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
dmitry.eloschin@yandex.ru

LITTLE-KNOWN FINNISH CONCENTRATION CAMPS IN THE OCCUPIED TERRITORY OF KARELIA

Abstract. The article addresses issues related to the maintenance of prisoners in labor camps in the territory of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic occupied by the Finns in 1941–1944 using the example of labor camps in the Medvezhyegorsk region. The relevance of the study is due to the special importance of preserving historical memory about the genocide of the Nazis and their allies in the occupied USSR territory during the Great Patriotic War for modern society. Based on the memoirs and protocols of interrogation of prisoners, numerous aspects of the detention of civilians in those Finnish concentration camps are studied, which until recently have been overlooked by researchers for various reasons. The novelty of the article is determined by the introduction into scientific circulation of extensive archival materials used for studying the nature of the work performed by prisoners, the facts of the Finnish invaders' war crimes against prisoners, the completely fictitious quarantine measures of the occupation regime in the camps, and the reasons for sending the prisoners to places of detention.

Keywords: Great Patriotic War, Finnish occupation, concentration camps, Finland, Karelia

Acknowledgements. The studies described in this paper were carried out as part of the Research and Development Support Program for undergraduate and graduate students of Petrozavodsk State University funded by the Government of the Republic of Karelia (Agreement No KGRK-21/N5-24).

Citation: Verigin, S. G., Popov, D. A., Eloshin, D. A. Little-known Finnish concentration camps in the occupied territory of Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.864

REFERENCES

1. Without a statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the Russian Soviet Federative Socialist Republic during the Great Patriotic War. The Republic of Karelia: Collection of documents (E. V. Usacheva, Ed., T. A. Varukhina, L. S. Kotovich, E. V. Rakhmatullaeva, O. I. Surzhko, E. V. Usacheva, N. V. Fedotova, Comp.). Moscow, 2020. 408 p. (In Russ.)
2. Verigin, S. G. Karelia in the years of military trials: Political and socio-economic situation in Soviet Karelia during the Second World War of 1939–1945. Petrozavodsk, 2009. 544 p. (In Russ.)
3. Verigin, S. G. Economic aspects of the Finnish occupation of Karelia (1941–1944). *Istoriya*. 2021;12(7). Available at: <https://history.jes.su/s207987840016508-7-1/?ysclid=le43umc69l835462609> (accessed 01.11.2022). (In Russ.)
4. Verigin, S. G. National policy of the Finnish government on the occupied territory of Karelia in 1941–1944. *RUDN Journal of Russian History*. 2009;4:5–19. (In Russ.)
5. Davydova, E. A., Zhuravleva, N. S. The lives of the people of Soviet Karelia during Finnish occupation (1941–1944). *Political Vector-L. Complex Problems of a Modern Policy*. 2015;1:32–40. (In Russ.)
6. Zelenskaya, Yu. N. Labor camp for Soviet citizens in Kutizhma during the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):62–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.853 (In Russ.)
7. Kiseleva, E. S. The Finnish camp for Soviet prisoners of war in the city of Petrozavodsk. *Petrozavodsk – the city of military glory: heroic pages of the past of the European North of Russia: Proceedings of the V interregional research and practice conference*. Petrozavodsk, 2022. P. 35–38. (In Russ.)
8. Kulomaa, J. Finnish occupation of Petrozavodsk. 1941–1944. Petrozavodsk, 2006. 277 p. (In Russ.)
9. Morozov, K. A. Karelia during the Great Patriotic War (1941–1945). Petrozavodsk, 1983. 236 p. (In Russ.)
10. Osipov, A. Yu. Finnish occupation regime in Soviet Karelia. *Oral history in Karelia: Collection of research articles and sources. Issue. 3. Finnish occupation of Karelia (1941–1944)*. (A. V. Golubev, A. Yu. Osipov, Eds.). Petrozavodsk, 2007. P. 23–28. (In Russ.)
11. Seppälä, H. Finland as an occupier in 1941–1944. Available at: <https://www.autistici.org/deti-uzniki/sepp.html> (accessed 15.04.2022). (In Russ.)
12. Usacheva, E. V. Establishment of the Finnish occupation regime in the territory of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic and the organization of places of detention for the civilian population. *Kursk collection of works on military history*. Issue 17. Kursk, 2016. P. 121–126. (In Russ.)
13. Laine, F. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982. 490 s.

Received: 9 November, 2022; accepted: 31 January, 2023